

ВѢРА МОЛЧАЛЬНИЦА.

На лѣвомъ берегу небольшой рѣчки Веряжи, въ шести верстахъ на Сѣверь отъ Новгорода, ютится Сырковская женская обитель. Основаніе ея теряется въ глубинѣ вѣковъ. Исторически извѣстною она становится съ половины XVI вѣка, когда ее возобновилъ Феодоръ Дмитріевичъ Сырковъ. По его имени и обитель названа Сырковскою пустынью. Въ этой обители Феодоръ Дмитріевичъ погребенъ послѣ того, какъ его безвинно казнилъ царь Іоаннъ Грозный въ 1570 году.

Вотъ въ этой-то обители, въ срединѣ прошлаго вѣка, несла въ теченіи 20 лѣтъ свой великій подвигъ молчальница Вѣра; тамъ она и погребена не далеко отъ собора съ южной стороны его. Надъ ея могилой поставленъ памятникъ въ видѣ гроба изъ темнаго гранита, съ бронзовыми львиными лапами, стоящій на высококомъ шлифованномъ пьедесталѣ изъ краснаго гранита. Съ западной стороны гробницы помѣщена икона св. муч. Вѣры; съ южной надпись: „Здѣсь погребено тѣло возлюбившей Господа всею крѣпостію души своея и Ему Единому извѣстной рабы Божіей Вѣры, скончавшейся 1861 года Мая 6-го дня, въ 6 часовъ вечера, жившей въ сей обители болѣе 20 лѣтъ въ затворѣ и строгомъ молчаніи, молитву, кротость, смиреніе, истинную любовь ко Господу и состраданіе къ ближнимъ сохранившей до гроба и мирно предавшей духъ свой Господу“.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Вѣрѣ Александровнѣ имѣются въ нѣсколькихъ журналахъ. Источникомъ для всѣхъ біографій послужилъ очеркъ жизни Вѣры Александровны, помѣщенный въ Іюльской книжкѣ „Странника“ за 1868 г., написанный ея духовникомъ, священникомъ Сыркова монастыря Іоанномъ Лебедевымъ и озаглавленный такъ: „Дѣвица Вѣра Александровна Молчальница“. Въ 1895 г. въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ посвящена ей особая статья подъ заглавіемъ „Люди Божьи“ (Археологъ Силингъ издалъ эту статью отдѣльной брошюрой). Поселянинъ въ книгѣ, „Подвижники XIX вѣка“ помѣтилъ въ числѣ другихъ и біографію Вѣры Александровны. Подобная же

біографія имѣется и въ одномъ изъ Троицкихъ листковъ подъ заглавіемъ: „Примѣръ спасительнаго молчанія“.

Свѣдѣнія начинаются съ 1834 года, когда подвижница появилась впервые въ Тихвинѣ подѣ видомъ странницы, назвавшись Вѣрой Александровной; паспорта при ней не было. Приютила ее у себя Тихвинская помѣщица Вѣра М. Харламова. Въ Тихвинѣ она заявила себя особенно усердной молитвенницей. Нерѣдко ее видѣли молящеюся на паперти предѣ иконой Тихвинской Божіей Матери, когда въ церкви не было никакой службы. Любила она читать Слово Божіе и вообще душеспасительныя книги. Нерѣдко Вѣра Александровна изъ Тихвина предпринимала путешествія и по окрестнымъ монастырямъ: Николы Бесѣднаго, Антонія Дымскаго, Александра Свирскаго; была и въ Зеленецкомъ монастырѣ. Во время своихъ странствованій, узнавъ о тяжелой болѣзни дьяческой вдовы въ Винницкомъ погостѣ Олонецкой губ., Вѣра Александровна спѣшить къ страдалицѣ, чтобы утѣшить ее, и цѣлый годъ ухаживаетъ за больной.

По возвращеніи изъ Винницкаго погоста Вѣра Александровна, по обычаю въ Петровомъ посту говѣла. Въ день причащенія ея, въ церкви находился Тихвинскій помѣщикъ Иванъ Николаевичъ М. Стоя въ алтарѣ, Иванъ Николаевичъ захогѣлъ посмотрѣть, кто сегодня причащался. Подойдя къ сѣвернымъ дверямъ, онъ былъ пораженъ необыкновеннымъ видѣніемъ: причащница стояла въ молитвенномъ положеніи, вся осіянная необыкновеннымъ свѣтомъ, такъ что Иванъ Николаевичъ не могъ признать въ ней Вѣры Александровны. О своемъ видѣніи онъ сообщилъ служившему іеромонаху и нѣкоторымъ знакомымъ. Вскорѣ объ этомъ видѣніи зналъ уже весь городъ. Избѣгая славы людской, Вѣра Александровна рѣшилась удалиться изъ Тихвина и пошла снова странствовать. Такъ она дошла до села „Березовскій Рядокъ“, Валдайскаго уѣзда. На ночлегъ она остановилась въ домѣ крестьянина Прокопія Трофимова. Въ Воскресенье Вѣра Александровна пошла въ церковь. Церковная служба въ этомъ селѣ ей особенно понравилась, о чемъ она и сообщила своимъ хозяевамъ. Въ свою очередь и Вѣра Александровна понравилась хозяевамъ, и они предложили ей погостить у нихъ. Вѣра Александровна поселилась у Прокопія Трофимова, который отвелъ ей особую маленькую избушку. Около 9-ти мѣсяцевъ пробыла здѣсь Вѣра Александровна. Въ свободное отъ молитвы время она собирала къ себѣ дѣтей, учила ихъ молитвамъ, христіанской добродѣтельной жизни. вмѣстѣ съ дѣтьми приходили къ ней и взрослые. Полиціи это показалось подозрительнымъ; приставъ потребовалъ паспортъ, паспорта не было. Вѣру Александровну, какъ безпаспортную, по этапу отправили въ Валдай. Въ Валдаѣ слѣдователь долго допытывался, чтобы Вѣра Александровна сказала, кто она такая. „Если судить по небесному“, сказала она наконецъ, то я прахъ, земля; а если судить по земному, я выше тебя“. Больше слѣдователь ничего не добился отъ нея: ни на какіе вопросы она больше не отвѣчала и даже совсѣмъ перестала говорить, наложивъ на себя подвигъ молчанія, который и соблюдала около 23 лѣтъ.

Изъ Валдая Вѣру Александровну отправили въ Новгородскую тюрьму, въ которой она и пребыла около 1½ лѣтъ. Соблюдая молчаніе, Вѣра Александровна и въ тюрьмѣ усердно молилась Богу и читала Слово Божіе; здѣсь же она написала Плачь Богородицы при крестѣ Ея Сына. Изъ тюрьмы Вѣру Александровну перевели въ село Колмово для испытанія. Тяжела жизнь въ тюрьмѣ среди заключенныхъ, но еще тяжелѣе жизнь среди психически больныхъ. Но Вѣра Александровна не роптала на то, что ей пришлось жить около 3-хъ лѣтъ (въ Колмовѣ она тоже пребыла около 1½ лѣтъ) въ такой тяжелой обстановкѣ. Вспоминая впослѣдствіи о своей жизни въ тюрьмѣ и въ Колмовѣ. Вѣра Александровна писала: „Мнѣ хорошо тамъ было; и блаженствовала тамъ; благодарю Бога, что Онъ удостоилъ меня пожить съ заключенными и убогими,— Господь не то еще терпѣлъ за насъ грѣшныхъ“.

О пребываніи Вѣры Александровны въ Колмовѣ узнала извѣстная благотворительница графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Сообщили графинѣ объ этомъ, какъ говорятъ, изъ Петербурга. Явившись къ Вѣрѣ Александровнѣ въ Колмово, графиня предложила ей, не пожелаетъ ли она поселиться въ какомъ-либо изъ Новгородскихъ женскихъ монастырей и между прочимъ указала на Сырковъ, предупредивъ Вѣру Александровну, что ей тамъ будетъ отведена особая келія. Вѣра Александровна съ благодарностію приняла это предложеніе. Вскорѣ за нею въ Колмово пріѣхала Сырковская игуменья и отвезла ее въ Сырковъ монастырь*). Можно предпологать, что неласково встрѣтили Вѣру Александровну въ Сырковской обители. Ея жизнью въ острогѣ и въ домѣ умалишенныхъ, по словамъ священника Лебедева, соблазнились многія изъ сестеръ обители, не исключая и настоятельницы. По словамъ графа М. В. Толстого, настоятельница на столько недружелюбно была расположена къ Вѣрѣ Александровнѣ, что нарочно ѣздила въ Петербургъ и просила митрополита Серафима, чтобы онъ удалилъ молчальницу изъ монастыря, такъ какъ изъ за нея въ монастырь стекается много народу и этимъ нарушается монастырскій покой. Престарѣлый митрополитъ даже привскочилъ на крестѣ и возбужденно высказалъ такую таинственную фразу: „Ахъ ты, дура баба! Да насъ скорѣе съ тобой выгонять, чѣмъ ее; и вспоминать объ этомъ не смѣй“, см. Русскій Архивъ 1881 г. Записки гр. М. В. Толстого, стр. 134—136).

Игуменѣ подражали и сестры. Такъ первая келейница Вѣры Александровны Маріамна, сама страдавшая припадками падучей болѣзни (по словамъ сестеръ, порченная), такъ неуважительно относилась къ Вѣрѣ Александровнѣ, что не стѣснялась во всеуслышаніе поносить ее. Обидившись изъ за чего-то на Вѣру Александровну, она вслухъ бранила ее и говорила: „Охъ затворница-притворница“. По словамъ сестеръ, Маріамна тутъ же была и наказана: не отошла и 30 шаговъ отъ келіи Вѣры Александровны, какъ оступилась, упала и свихнула себѣ ногу. Вѣра Александровна, сама слышавшая, какъ ее бранила Маріамна, по своему незлобію, поспѣшила къ ней на помощь и весьма часто посѣщала ее въ болѣзни. Вмѣсто Маріамны для услугъ Вѣрѣ Александровнѣ

*) Указъ Новгородской Духовной Консисторіи отъ 10 Апрѣля 1841 г. за № 2139.

была назначена другая келейница Амфилохія († 1901 г.) бывшая дворовая графини Орловой. Амфилохія была глуха, и при разговорѣ съ ней приходилось кричать безъ особенной надежды быть услышану, чѣмъ была довольна, какъ кажется, и ВѢра Александровна. Можно предполагать, что графиня Орлова знала тайну ВѢры Александровны. Чтобы лучше сохранить ее, она нарочно назначила ВѢрѣ Александровнѣ глухую келейницу въ полной увѣренности, что та ничего не услышитъ, если бы ВѢра Александровна въ бреду или забывчивости сказала что нибудь такое, что способствовало-бы открытію ея тайны.

Въ Сырковѣ ВѢра Александровна вела аскетическій образъ жизни. Первые три дня недѣли проводила въ строгомъ затворѣ, никуда не выходя и никого не принимая; даже келейница въ эти дни къ ней не входила, а приносимую разъ въ сутки пищу передавала черезъ окно. Пища ея была очень скудна. Изъ приносимой съ монастырской трапезы пищи большую часть она отдавала нищимъ, а если нищихъ не было, то птицамъ, которыя во множествѣ прилетали къ ея кельѣ; два раза въ сутки она выпивала по чашкѣ чаю съ просфорой. На рыбу и молоко она разрѣшала себѣ только въ двенадцатые праздники, и особенно строго проводила дни Великаго поста. На Страстной она принимала пищу только разъ, въ Великій Четвертокъ. Когда кончались дни затвора, ВѢра Александровна ходила въ церковь къ каждой службѣ и приходила почти раньше всѣхъ, особенно къ утрени; становилась всегда около порога и почти все время церковной службы простаивала на колѣняхъ. Въ первые года жизни въ Сырковѣ ВѢра Александровна причащалась во всѣ посты вмѣстѣ съ сестрами монастыря, а послѣднія 15 лѣтъ причащалась еженедѣльно каждую Субботу. Предъ причащеніемъ она исповѣдывалась своему духовнику по записочкамъ, которыя духовникъ ея, вышеупомянутый священникъ О. Іоаннъ Лебедевъ, по прочтеніи, сжигалъ на свѣчкѣ.

Въ дни свободные отъ затвора, ВѢра Александровна иногда отворяла двери своей келіи и для почитавшихъ ее посѣтителей. А посѣтителей было немало, какъ изъ простаго народа, такъ и изъ грамотныхъ и даже знатныхъ людей. Большинство послѣднихъ поражалось убожествомъ ея обстановки. У нея въ келіи ничего не было лишняго; много было только иконъ, изъ которыхъ обращала на себя вниманіе икона Христа Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Въ ея келіи были: шкафъ съ книгами, столикъ, два стула, аналойчикъ, самоварчикъ, чайничекъ, чайная чашка, часы съ кукушкой и кровать, застланная войлочкомъ съ двумя полѣньями по бокамъ и съ двумя подушками, подъ которыми лежалъ зашитый въ холстъ кирпичъ. Вся эта обстановка перешла послѣ нея къ ея келейницѣ Амфилохіи а отъ нея къ Маріи Алексѣевнѣ, которая была келейницей Амфилохіи.

Посѣтителей ВѢра Александровна встрѣчала необыкновенно ласково и привѣтливо, кланяясь чуть не до земли каждому. Изъ числа ихъ нужно упомянуть о митрополитѣ Григоріи, который какъ только вошелъ въ церковь, тотъ часъ же и спросилъ, гдѣ живетъ ВѢра Александровна. Въ 1860 году ВѢру

Александровну посѣтилъ графъ М. В. Толстой и долго съ ней бесѣдовалъ. Въ своихъ Запискахъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 г., онъ удостовѣряетъ, что въ 1848 г. Вѣру Александровну удостоилъ своимъ посѣщеніемъ императоръ Николай I-й. По словамъ графа, Государь долго бесѣдовалъ съ Вѣрой Александровной, при чемъ Вѣра Александровна, въ отвѣтъ на вопросы Императора, исписала нѣсколько листовъ бумаги, которые Государь потомъ сжегъ на лампадкѣ. Прощаясь съ молчальницей, Государь поцѣловалъ у нея руку. Объ этомъ посѣщеніи молчальницы точныхъ свѣдѣній среди сестеръ Сырковской обители не сохранилось. Ея бывшая келейница по этому вопросу положительнаго тоже сказать ничего не могла; рассказывала только, что послѣ посѣщенія Вѣры Александровны однимъ военнымъ, подвижника долго волновалась и что-то говорила, но слышать этого Амфилохія не могла по своей глухотѣ. За то другая монахиня, Павла († 1902 г.) рассказывала (мнѣ), что Вѣра Александровна, придя однажды въ церковь, словно помѣшанная, говорила: „Ахъ, какой у меня сегодня гость-то былъ! Какія у него эполеты; такихъ въ Россіи никто больше не можетъ носить!“ Много таинственнаго говорила въ это время Вѣра Александровна, но слова ея считали бредомъ больной.

Большинство посѣтителей обращалось къ Вѣрѣ Александровнѣ съ просьбою помолиться о нихъ или о близкихъ имъ лицахъ, и Вѣра Александровна тотъ-часъ же исполняла эту просьбу, взаимно прося помолиться за нее. Иные просили у ней совѣта, утѣшенія въ скорби; такимъ просителямъ она обыкновенно предлагала открыть Евангеліе, а нерѣдко и сама открывала. И случалось всегда такъ, что открытое мѣсто соотвѣтствовало духу или состоянію просителя. Священникъ Лебедевъ, рано овдовѣвъ, сильно скорбѣлъ. Однажды, отслуживъ литургію, онъ зашелъ на могилу своей жены и горько плакалъ. Когда онъ всталъ съ могилы, то увидѣлъ, что близъ него стоитъ молчальница. Отецъ Іоаннъ попросилъ ее, чтобы она помолилась за него. Вѣра Александровна знаками показала, что она за него молится. Съ той поры скорбь о. Іоанна стала не такъ сильна, о чемъ онъ былъ наканунѣ предупрежденъ соннымъ видѣніемъ, когда ему было сказано, что онъ скоро будетъ утѣшенъ.

Одна полковница привезла въ Сырковъ своего четырехлѣтняго сына и просила Вѣру Александровну помолиться о его выздоровленіи. Вѣра Александровна, помолившись Богу, сложила руки крестообразно и потомъ, смотря на мальчика, показала на небо, предвозвѣщая этимъ, что мальчикъ умретъ. И мальчикъ дѣйствительно черезъ мѣсяць умеръ. Нѣчто подобное произошло и въ другой разъ. Одна придворная привезла своего сына и просила Вѣру Александровну помолиться о немъ. Вѣра Александровна взяла малютку на руки, потомъ, горячо помолившись, положила его предъ образомъ Христа Спасителя и написала на бумажкѣ: „счастливъ ты, Саша“. Мальчикъ тоже вскорѣ умеръ.

Эти и подобные имъ случаи убѣждали всѣхъ, что Вѣра Александровна имѣетъ даръ прозорливости. Однажды она пригласила въ свою келію трехъ проживавшихъ въ монастырѣ дѣвочекъ: Сашу Туманову, Стѣшу Федорову и Машу Иванову. Каждую изъ нихъ она одѣла особеннымъ образомъ. Стѣшу

Федорову онъ убрала цвѣтами, и та вскорѣ умерла, Сашѣ Тумановой одѣла бѣлую повязку, и та, придя въ возрастъ, не осталась жить въ монастырѣ, а вышла замужъ; Машу Иванову она опоясала ремнемъ; эта долго прожила въ обители и испытала много скорбей и болѣзней. Ей же въ другой разъ Вѣра Александровна подарила образокъ пр. Ефрема Переяславскаго неоконченнаго письма. Монахиня Павла, у которой проживала эта Маша Иванова, долго не могла понять смысла такого подарка. Впоследствии оказалось, что подаркомъ образа неоконченнаго письма Вѣра Александровна предугадывала на то, что получившая подарокъ, хотя и будетъ учиться живописи, но не доучится, что и случилось изъ за болѣзни глазъ.

Свою смерть Вѣра Александровна тоже предвидѣла. За двѣ до нея недѣли, именно въ Страстную Субботу 22 Апрѣля 1861 г., на исповѣдной записочкѣ на оборотѣ она написала: „Батюшка, помолитесь Господу о помилованіи души моей; конецъ мой близокъ, и дніе мои изочтени суть“. Въ Четвергъ на Св. Недѣлѣ она послѣдній разъ выходила изъ монастыря и долго смотрѣла въ стороны мѣстъ своего заключенія—Колмово и тюрьмы, потомъ, какъ бы прощаясь, поклонилась и пошла къ восточнымъ воротамъ. Здѣсь она долго сидѣла, любясь видомъ Хутынскаго монастыря, тогда не загороженнаго (постройками) деревни.

Возвратившись въ монастырь, Вѣра Александровна сорвала нѣсколько прутиковъ, положила ихъ на землю, а затѣмъ, скрестивъ руки, знаками показала, что желаетъ быть погребенной на этомъ мѣстѣ. По возвращеніи въ келію Вѣра Александровна почувствовала упадокъ силъ и въ Субботу на Пасхѣ причащалась уже въ своей келіи. Въ Омино Воскресеніе, 30 Апрѣля, она пожелала собороваться, о чемъ и написала игуменіи Ангелинѣ. Въ письмѣ она между прочимъ просить, чтобы при соборованіи было какъ можно меньше народу, такъ какъ при народѣ ей тяжело, и она настолько слаба, что даже буквы ставить не тѣ. 5 Мая въ Пятницу она снова приобщалась, но такъ была слаба, что не могла написать своей исповѣди на записочкѣ и за нее по книжкѣ монашеской исповѣди читала грѣхи одна изъ сестеръ обители. Постѣ исповѣди келейница просила священника приобщить больную и завтра. Священникъ согласился. Во время этого разговора, происходившаго въ другой комнатѣ, Вѣра Александровна, собравъ послѣднія силы, вышла къ нимъ и знаками показала, что завтра она скончается. Къ вечеру она совершенно ослабѣла. Въ полночь твердымъ голосомъ произнесла: „Господи, спаси мя грѣшную“, а затѣмъ забылась.

Въ два часа пополудни она снова начала произносить молитву: „Господи... но докончить уже не могла. Въ 4 часа утра надъ ней прочитана отходная, но еще долго жизнь боролась со смертію. До 6 часовъ вечера Вѣра Александровна издавала тяжелые вздохи. Наконецъ въ 6 часовъ вечера 6 Мая 1861 г. на лицѣ молчальницы появилась улыбка, раздался послѣдній вздохъ, и ея не стало... При обтираніи тѣла почившей на ней оказался небольшой холщевый корсетикъ, въ которомъ противъ сердца были вшиты двѣ записочки,

изъ нихъ на одной была молитва Спасителю о помилованіи души, а другую за ветхостью не было возможности разобрать. Думаютъ, что въ этой послѣдней записочкѣ и скрывалась тайна Вѣры Александровны. Во всякомъ случаѣ до послѣдняго времени тайна происхожденія Вѣры Александровны рѣшалась только гадательно. Видѣли въ Вѣрѣ Александровнѣ то побочную дочь императора Александра I-го, то Великую Княгиню Анну Ѳедоровну, супругу Константина Павловича, то побочную дочь Павла I-го. Послѣднюю догадку сдѣлалъ графъ М. В. Толстой еще въ 1860 г., когда онъ посѣтилъ Вѣру Александровну.

Существуетъ, наконецъ, легенда, по которой подъ именемъ Вѣры Александровны скрывалась императрица Елисавета Алексѣевна. Опровергая эту легенду, Е. Шумигорскій въ своей рецензіи на сочиненіе Великаго Князя Николая Михайловича: „Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I-го“, категорически заявляетъ, что Вѣра Александровна не Елисавета Алексѣевна. „Что касается до молчальницы Вѣры въ Новгородскомъ Сырковомъ монастырѣ“, говоритъ онъ, „то ея имя уже извѣстно: это была Вѣра Александровна Буткевичъ, дочь генералъ-майора Павловскихъ временъ, шефа Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка“. (См. „Новое Время“. № 11840, приложение). Но вѣдь одно категорическое утвержденіе ничего не доказываетъ, а доказательствъ Шумигорскій никакихъ не приводитъ. Между тѣмъ есть много данныхъ въ пользу этой легенды, но главное это записки, оставшіяся отъ Вѣры Александровны. На основаніи однихъ записокъ можно легко догадаться, кто была Вѣра Александровна. Прежде всего видно, что Вѣра Александровна была всесторонне образована, знала живопись; почеркъ показываетъ, что она была нерусскаго происхожденія. Самая орѳографія доказываетъ, что Русскій языкъ не былъ природнымъ ея языкомъ, потому что Вѣра Александровна допускаетъ при письмѣ такія орѳографическія ошибки, которыхъ не можетъ допустить природный Русскій, даже малообразованный, человѣкъ. Вотъ образчикъ ея письма: „съ былося здѣсь Писаніе гѣлаголюще бѣды отъ разъбѣйникъ, бѣды отъ сроднѣкъ. бѣды отъ языкъ... беды въ рѣкахъ. беды въ пустыни: бѣды въ мори.—бѣды во лѣ ижѣ братіи“.. (См. запис. № 1).

Далѣе изъ записокъ Вѣры Александровны видно, что ее преслѣдовали и преслѣдовали сильно; преслѣдовали при томъ близкіе люди; преслѣдованіе доходило до того, что она должна была скрываться. Чтобы избавиться отъ преслѣдованія, она должна была распространить слухъ о своей смерти. „Чудеса являеши“, говорится въ одной изъ ея записокъ, „съ мертвыми во гробъ мя вселяеши“. Заслуживаетъ при этомъ вниманія самый способъ писанія этой записки. При поверхностномъ взглядѣ ее трудно и прочесть, такъ-какъ ее слѣдуетъ читать не съ начала, а со середины. (См. запис. № 2).

Будучи преслѣдуема и гонима, въ своихъ запискахъ она съ одной стороны высказываетъ сильное негодованіе съ отгнѣнкомъ презрѣнія ко всѣмъ гонителямъ, а съ другой въ этихъ же запискахъ проглядываютъ глубокія симпатіи къ гонимымъ и преслѣдуемымъ.

Такъ въ запискѣ, касающейся пророка Или, Вѣра Александровна выражается такъ: „Идомъ служащая Иезавель—: царица—: Исполнися ярости И гнѣва: И ищкаше пророка Божія убити—: И убоися Ілія святой смерти: яко человекъ—: немощи подлѣжащій—: по писанному—: Ілія человекъ бѣ подобострастенъ намъ.. И бѣжа отъ страха—: Иезавелина—: бѣжа во ину землю—: И идѣ въ пустыню единъ—: шѣдъ же Въ пустыни День—: сѣдѣ почити подь смерчемъ. Печаленъ же сый—. Проси отъ Бога смѣрти сѣбе—:.

На верху записки три раза, по бокамъ и въ центрѣ, написана буква А. Въ другой запискѣ, касающейся Іуды предателя, говорится: „О, лѣснаго лобзанія! радуйся, учителю! Христу Іуда глаголетъ; и вкупѣ съ словомъ предаеть на коленіе“. (Запис. № 3-й). Центральное мѣсто въ этой запискѣ занимаетъ буква А, какъ нужно думать, начальная имени—Александръ. Въ подобной же запискѣ, касающейся тоже Іуды-предателя, негодование и презрѣніе выражается еще сильнѣе. „О, лукавый Іудо! Како въ цѣлованіи усть и въ мирномъ языкѣ сокрылъ ты лести! Умыслилъ ты, презлбный, имѣніе приобрѣсть себѣ. Продавъ Милостиваго Господа. О, несытый предателю! Чтѣ ми хочите дати, и азъ вамъ предати Его. Како поворотися языкъ твой“. Замѣчательно, что послѣ этихъ словъ, обращенныхъ къ Іудѣ, въ запискахъ помѣщено слѣдующее сказаніе: „Свят. и вел. во О—. А—. моляся въ нощи ко Господу со слезами, да управитъ путь его на спасеніе—. И бысть къ нему гласъ глаголяй—. А: Бегай отъ человекъвъ и спасешися—. То слышавъ Ар.. облечеса абіе въ худыя одежды и изыде отъ палатъ цар.—. никомуже вѣдушу. Паки моляся ко Господу глаголя: Госп. настави мя како спастися—. Паки бысть гласъ свыше къ нему глаго—. бегай отъ человекъвъ и безмолствуй и въ молчаніи буди—. се бо есть корѣнь бѣзгрешія—. Онъ же слышавъ сіе—. скоро воставъ—. отъидѣ далѣе на безмолвное место пустыни—. И келію малу себѣ устроивъ живяшѣ въ ней единъ—. И тщашеса всячески соблюсти молчаніе“.

Между записками находится много монограммъ. На монограммахъ фигурируютъ буквы А, П и Е въ разныхъ сочетаніяхъ: то стоитъ одна буква А, то въ сочетаніи съ буквою П, при чемъ буква А предшествуетъ П; сохранилось двѣ монограммы изъ буквъ Е и А. При внимательномъ изученіи этихъ монограммъ, я убѣдился, что это инициалы императора Александра Павловича (А. П.) и его супруги Елисаветы Алексѣевны (Е. А.) (См. монограммы №№ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й).

На монограммѣ № 1 видны буквы А и П, очерченныя Славянскою буквою О, при чемъ буква О написана въ противоположномъ направленіи. Повернувъ соотвѣтствующимъ образомъ монограмму, легко замѣтить, что буква П измѣнилась въ букву Ц, а буква А при такомъ положеніи имѣетъ подобіе мягкаго знака (Ь); надъ буквами титло; вся монограмма означаетъ: Александръ Павловичъ (А. П.) Царь. Что такое чтеніе правильно, доказывается монограммой № 2-й. На этой монограммѣ внизу виньетки подписано: мой еси ты и Богъ мой, а сбоку стоитъ особо буква А, какъ бы указывающая ключъ всей

монограммы. Слѣдовательно вся монограмма должна быть прочитана такъ: Александръ Павловичъ (А. П.) Царь мой еси ты и Богъ мой.

Таково же содержание и монограммы № 3-й. На противоположной сторонѣ этой монограммы изображенъ восьмиконечный крестъ, а кругомъ креста написано: „Господи Исусъ Христе Пресвятою Госпожѣю Девою Мариею Богородицѣю помилуй мя грѣш.“

На монограммѣ № 4-й видны буквы Е и А, инициалы Елисаветы Алексѣевны. Между Е и А стоитъ буква т, выходитъ *Е т А*, сокращенное Елисавета. Непонятной кажется внизу подпись *Н Н О* (нно). Вглядываясь внимательно въ начертаніе монограммы, легко замѣтить, что послѣ буквы т стоитъ подобіе Греческой ρ (р) , далѣе А, а внизу нно. Принимая первую букву за С, а не за Е, къ чему даетъ намъ поводъ монограмма № 5-й, гдѣ вмѣсто Е стоитъ С, получаемъ слово: „Странно“. Въ свою очередь записочка № 6 даетъ какъ бы ключъ къ правильному чтенію №№ 4 и 5. Въ этой записочкѣ передъ первой буквой, похожей по своему начертанію на первыя буквы въ монограммахъ №№ 4 и 5-й поставлено карандашемъ Е, чѣмъ указывается, что это не С, а Е. Монограмму № 6 я читаю: Ета, сокращенное Елисавета хоть допустимо и просто *естъ*. Множество монограммъ съ инициалами Александра Павловича Царя даютъ право заключать, что для Вѣры Александровны Александръ Павловичъ былъ очень близокъ; о томъ же говорить и то стараніе, съ какимъ писаны эти монограммы. Нерѣдко къ этимъ монограммамъ присоединяются подписи: Царь (Отецъ) и Богъ мой еси ты. Все это говорить о горячей любви писавшей къ Александру Павловичу.

Кто же была эта особа, такъ пламенно любившая императора Александра Павловича? По всей вѣроятности такой особой могла быть только супруга императора Александра Павловича, императрица Елисавета Алексѣевна и болѣе никто другой. Правда, въ началѣ супружеской жизни Александръ и Елисавета не были особенно привязаны другъ къ другу, благодаря молодости и непостоянству Александра; но въ послѣдній годъ жизни императоръ сдѣлался заботливымъ супругомъ и другомъ Елисаветы Алексѣевны до такой степени, что придворные называли ихъ молодоженами. А вѣдь записки-то и появились уже послѣ этого сближенія, когда Елисавета Алексѣевна подъ именемъ Вѣры Александровны проживала въ Сырковомъ монастырѣ. Этимъ же объясняется присутствіе среди записокъ монограммъ съ инициалами Е. А. А что эти инициалы относятся къ писавшей, доказывается тѣми таинственными рѣчами, которыя Вѣра Александровна говорила во время болѣзни, о чемъ было упомянуто выше. Слышавшіе эти рѣчи не могли никакъ уразумѣть, что онѣ означаютъ. Такъ монахини Павла и Аполлинарія рассказывали, что во время этой болѣзни Вѣра Александровна какъ бы спрашивала окружающихъ: „вы думаете меня зовутъ Вѣрой? Нѣтъ, я не Вѣра, а Лиза“. Вспоминала о придворной жизни и одну изъ монахинь, именно Капитолину, когда та къ ней пришла, признала за Великую Книжницу Елену Павловну и такъ ее и привѣтствовала. Какъ все это напоминаетъ легенду или лучше подтверждаетъ, что ни Александръ Бла-

гословенный, ни его супруга въ указываемое исторіей время не умерли, а, какъ говорить легенда, скрылись: императоръ—изъ Таганрога, а Елисавета Алексѣевна—изъ Бѣлева.

Въ пользу признанія легенды за истину о томъ, что Александръ Благословенный въ Таганрогѣ не умеръ, а скрылся изъ Таганрога и долгое время подъ именемъ Феодора Кузьмича подвизался въ Сибири, склонялся и историкъ царствованія Александра I-го Шильдеръ. Онъ самъ такъ рассказывалъ объ этомъ своимъ знакомымъ (между ними полковнику Селивачеву). „Когда я писалъ исторію царствованія Александра I-го, у меня появились сильныя головныя боли. Ложась спать и чувствуя сильную головную боль, послѣ тщетныхъ попытокъ на основаніи имѣвшихся данныхъ рѣшить вопросъ о томъ, кто былъ Феодоръ Кузьмичъ, я прибѣгъ къ такому ненаучному способу рѣшенія занимавшаго меня вопроса: если Феодоръ Кузьмичъ и Александръ I-й, одно и тоже лицо, то пусть, сказалъ я себѣ, Феодоръ Кузьмичъ явится мнѣ и испѣлитъ меня отъ болѣзни. Прошла ночь, настало утро; никто ко мнѣ не являлся, а боль продолжалась и была еще сильнѣе. Наступила другая ночь; снова ложась спать, я ни о чемъ уже не думалъ, но не успѣлъ закрыть глаза, слышу скрипнула дверь, а въ дверяхъ стоитъ Феодоръ Кузьмичъ, какъ его я видѣлъ на портретахъ и говоритъ: Александръ и я одно и тоже. Я вскочилъ съ постели, но въ комнатѣ никого уже не было. Головной боли какъ не бывало“.

Если Александръ Благословенный въ Таганрогѣ не умеръ (а въ пользу этого говоритъ многое), то и Елисавета Алексѣевна въ Бѣлевѣ не умерла, а тоже скрылась. По разсказу протоіерея Донецкаго, ключаря Томскаго кафедральнаго собора, императрица Елисавета Алексѣевна проѣздомъ изъ Таганрога въ Петербургъ рѣшила остановиться въ Бѣлевѣ (родинѣ протоіерея Донецкаго) въ домѣ одной помѣщицы. Помѣщица приготовилась достойно встрѣтить императрицу. Въ 10 часовъ вечера приѣхало нѣсколько каретъ; изъ одной вышла Императрица. Хозяйка поспѣшила помочь Государынѣ взойти на лѣстницу. Когда Государыня вошла въ залъ, то закрыла глаза руками и сказала: „свѣту слишкомъ много“. Всѣ огни были потушены; оставлены были только двѣ свѣчи. На предложеніе хозяйки, не пожелаетъ-ли Государыня чаю или кофе, послѣдняя отвѣчала: „Ничего я не хочу. Я страшно утомилась, мнѣ нуженъ покой“. Государыня удалилась въ отведенные ей покои, а хозяйка въ другой половинѣ дома, не раздѣваясь прилегла на диванъ. Въ 12 часовъ ночи поднялась тревога въ домѣ, и помѣщицѣ сказали: „Государыня скончалась“. Пораженная хозяйка поспѣшила въ залъ, гдѣ лежала почившая; желая попроситься, она подошла для цѣлованія руки почившей и еще болѣе была поражена: волосы почившей не были похожи на волосы Государыни, такъ какъ при встрѣчѣ помѣщица замѣтила, что Государыня была блондинка, а на столѣ лежала брюнетка. На эту мнимую смерть въ Бѣлевѣ есть указанія и въ запискахъ Сырковской подвижницы. Въ одной изъ записокъ, которую я уже приводилъ, говорится: „Чудеса являеши, съ мертвыми во гробъ мя вселяеши“.

На нѣсколькихъ запискахъ обозначена только дата исторической смерти *Май*. Елисавета Алексѣевна скончалась 4 Мая 1826 г. Такъ по крайней мѣрѣ говорить исторія.

Косвеннымъ подтвержденіемъ того, что Александръ I-й и Елисавета Алексѣевна еще живы были въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, можетъ служить помянникъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, приближенной ко двору императора Александра I-го. Въ этомъ синодикѣ или помянникѣ графиня не записала ни императора, ни императрицы, такъ какъ графиня, по всей вѣроятности, знала, что они были еще живы, а въ противномъ случаѣ она непремѣнно записала бы ихъ въ свой помянникъ, гдѣ у нея записаны императрица Екатерина II-я, митрополитъ Антоній, епископъ Иннокентій, архимандритъ Фотій, схимонахъ Парѳеній, іеросхимонахъ Амфилохій, все люди близкіе и императору Александру I, и графинѣ.

Слѣдуетъ присоединить, что глазами и цвѣтомъ волосъ Вѣра Александровна была похожа на императрицу Елисавету Алексѣевну. По описанію современниковъ, какъ передаетъ Шильдеръ, Елисавета Алексѣевна имѣла большіе голубые глаза и волосы прелестнѣйшаго бѣлокураго цвѣта. Такіе же были глаза, какъ говорятъ монахини, и у Вѣры Александровны, и волосы, о которыхъ можно судить по хранящейся въ Сырковѣ пряди волосъ, отрѣзанныхъ у Вѣры Александровны послѣ смерти.

При рѣшеніи вопроса о томъ, кто была Вѣра Александровна заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что Вѣра Александровна предъ своею смертію сама указала мѣсто своего погребенія. А указанное ею мѣсто находится недалеко отъ могилы игуменіи Александры Шубиной, которая въ 1797 году была воспріемницей ея при присоединеніи къ православію.

Невольно при этомъ припоминается та таинственная фраза, которую отвѣтилъ митрополитъ Серафимъ на просьбу Сырковской игуменіи объ удаленіи Вѣры Александровны изъ обители: „Ахъ ты, дура баба! да насъ скорѣе съ тобой выгонять, чѣмъ ее, и думать объ этомъ не смѣй“, сказалъ тогда престарѣлый митрополитъ Серафимъ. Конфискація и уничтоженіе дневника императрицы Елисаветы Алексѣевны императоромъ Николаемъ I-мъ тоже слишкомъ знаменательны.

Новгородскаго Сыркова монастыря священникъ **Николай Грузинскій.**

Г. Новгородъ.

Сырковъ монастырь.

